

ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1-36.

Акимова Т.И.

Мордовский государственный университет имени Н.П.Огарева

ЖАНР АНЕКДОТА В ТВОРЧЕСТВЕ ЕКАТЕРИНЫ II

T. Akimova

N. Ogarev Mordovia State University

GENRE OF ANECDOTE IN THE WORK OF CATHERINE II

Аннотация. Автограф анекдота Екатерины II из «Особой тетради» анализируется в рамках историко-культурного контекста, который обусловил его появление. В связи с этим выделяются три уровня его функционирования: 1) семейной и социальной фронды с властью; 2) неявной, но дерзновенной заявки на политическую власть; 3) выражения доктрины просветительской власти (воспитания и образования подданных; придворного этикета; философской основы мышления самого властителя и античных образцов этого мышления).

Ключевые слова: жанр анекдота, просветительская доктрина, салон, литературная деятельность императрицы Екатерины II.

Abstract. The autograph of anecdote of "Special Notebook" by Catherine II is analyzed within the framework of historical and cultural context that led to its appearance. In this regard, there are three levels of its function: 1) family and social discontent with the government, 2) an implicit but daring claim for political power, and 3) expression of the doctrine of enlightening authorities (education and training subjects, court etiquette, the philosophical basis of the ruler's thinking and ancient examples of this thinking).

Key words: genre of anecdote, enlightening doctrine, salon, literary work of the Empress Catherine II.

Жанру анекдота принадлежит важное место в творчестве Екатерины II: благодаря ему не только осуществляется проба пера будущей российской императрицей, но и перенимается просветительская идеология, сложившаяся во французских салонах. Поэтому изучение функционирования этого жанра в раннем творчестве Екатерины позволяет рассмотреть и определяющие черты жанра анекдота XVIII века, и характер Великой княгини, осознающей для себя, что такое просвещенная власть, и готовящей себя к ней.

Как известно, «двойная природа» анекдота, заключающаяся в его бытовании как в устной, так и письменной формах, в эпоху активного развития прозы со второй половины XVII до второй половины XVIII века, времени пышного расцвета анекдота [9, с. 272], особенно наглядно проявлялась в салонах, где сборники анекдотов представляли в качестве «заготовок для веселой светской беседы» [8, с. 331]. С одной стороны, большим читательским спросом пользовались античные биографии, практически рождавшиеся из анекдотов (уже в творчест-

ве Плутарха, Диогена Лаэртского, Светония и др. «анекдот был подлинным украшением биографии» [7, с. 62]), которые становились поводом для обсуждения в салонах. С другой стороны, здесь же, по аналогии, рождались истории об известных современниках, и эти анекдоты завсегда в салонах из устных бесед перемещались в мемуары, романы, просто в сборники рассказов о важных исторических лицах.

Подобная жанровая гибкость анекдота позволяла ему проникать чуть ли не в любой эпический жанр, когда автору нужно было дать речевую характеристику персонажу через ёмкую, точную и афористичную фразу. Отсюда «короткий рассказ о незначительном, но характерном происшествии из жизни исторического лица» [1, с. 234] легко вклинивался в нарративную структуру биографии, мемуаров, жанр портрета. Так, в многочисленных биографиях Фридриха II, очень популярных в России во второй половине XVIII века, основное место занимал именно анекдот: «Большая часть Ироев древней и новой истории находили свое удовольствие являть себя славными в таком деле, о котором они были известны, что оно будет блистать. Фридрих был между ими самый большой, но человеколюбивое его сердце предпочитало всему приятный мир, естественная его склонность обращена была к любознательности, он имел к кровопролитию омерзение, и после баталии при Лейтене, которая его столь ознаменовала, увидев его после побоища, сказал: «Когда прекратятся мои мучения». Слова сии произнес он изъявляющим сожалением голосом и со слезами, что доказывают при нём находившиеся» [4, с. 19-20].

К началу XVIII столетия во французской литературе сложилась целая библиотека, открывающая широкому читателю мир частной жизни Версаля и Парижа, эстетизированный и построенный по романному принципу: «те из современников, которые не читали рыцарских (героических, пасторальных) романов, не владели искусством разговора, не умели кстати сочинить рондо или сонет, сделать

остроумное замечание, написать изящное письмо, рассказать о виденном и услышанном, – а таких, естественно, было большинство, были не просто чужды литературе, но и вели иной образ жизни» [10, с. 99-100]. Век Просвещения развел эти пространства по разным полюсам, тем самым вынудив анекдот из мемуарно-биографического контекста и наполнив его смеховым началом, возникшим из сближения литературы с фольклором. Поэтому в анекдотах, бытующих во французских просветительских салонах, панегирическая повествовательность об известных исторических лицах заменяется их критической оценкой и смеховой подачей.

Так, салон м-м Жоффрен, известный своей политической направленностью, был великолепным полем для возвращения анекдотов, тем более, что постоянными посетителями салона были Д'Аламбер, Гольбах, Дидро, а женское общество было сведено к минимуму. К тому же ее салон считался «верным термометром литературного успеха» и «школой хорошего тона в Европе» [5, с. 198]. Не случайно путешествовавший по Европе молодой поляк Станислав Понятовский старался завести дружеские отношения с мадам и по прибытии в Россию в 1756-1757 гг. демонстрировать усвоенные им уроки: «он приобрел расположение великого князя, насмехаясь над польским королем и его министром» [3, с. 110-111], а Великую княгиню Екатерину Алексеевну очаровал тем, что «говорил языком Вольтера и героев мадам де Скюдери» [3, с. 110].

Безусловно, Екатерина нашла в Понятовском многое из того, что усвоила через чтение романов, – галантность, веселость, изящество, интересного собеседника, образец дамских рыцарей того времени [3, с. 198]. Именно он и стал тем связующим звеном, который соединил отчаявшуюся от одиночества Великую княгиню, без сына Павла, забытую и мужем, и любовником С. Салтыковым, – с салонными привычками мадам Жоффрен. Годы позже, получив власть, она признавалась, что «ей гораздо ближе гос-

пожа Жоффрен, чем собственные придворные дамы» [6, с. 390].

Ощущая себя частью единого культурного пространства и вставая на позиции Фронды, Великая княгиня не принимает отведенную для нее Елизаветой Петровной пассивную роль «жены» ее племянника. Растущее недовольство Екатерины тотальным контролем со стороны императрицы и своим удалением от больших государственных дел вызывает появление «Особой тетради», куда она тайно заносит разные записи, представляющие собой кредо будущего правителя. Обнаружена тетрадь была академиком П.П. Пекарским, не только переведшим ее с французского, но и прокомментировавшим её публикацию в первом томе «бумаг» Екатерины II: «заметки эти писаны Великой Княгиней Екатериной Алексеевной на листах большого формата, карандашом в 1761 г.» [2, с. 82].

В эту тетрадь она записывает анекдот о немце Брокдорфе, сумевшем провести как Великого князя, не сведущего ни в политических, ни в экономических делах, так и императрицу, потерявшую способность к рациональному восприятию окружающего мира. Анекдот имел целью высмеять Брокдорфа, настаивавшего на сохранении Петром Федоровичем войск в Голштинии, что приносило российской казне невероятные траты, и поквитаться с немцем, строившем козни Великой княгине и обвинявшем ее в преступлениях, совершаемых, на самом деле, им самим. Подобная литературная расправа Великой княгиней с «врагом» укладывалась в просветительскую концепцию мирного решения политических проблем.

Анекдот раскрывал проблему ее абсурдного бытия при дворе Елизаветы Петровны, не совместимого как с личностным самовыражением, так и с реализацией Екатериной просветительских идеалов, почерпнутых ею из чтения книг французских писателей. Противоречие между реальной жизнью российского двора и теми духовными ориентирами, которые Екатерина восприняла от просветителей, способствовало передаче эпизода

из своей жизни сквозь призму салонного осмеяния Версаля. Поэтому вся композиция анекдота строится вокруг нескольких оппозиций. С одной их стороны находится просветительский образ Великой княгини, а с другой стороны – не соответствующие ему образы царских советников, мужа Великого Князя Петра Федоровича и, наконец, – императрицы, по мнению Екатерины, утратившей способность различать добро и зло.

В начале анекдота появляется фигура мужа Петра Федоровича, запутавшегося в своих финансовых делах: «В конце 1754 года Великий Князь, видя, что положение его дел было в состоянии, грозившем совершенным банкротством...». Затем появляется образ умной и предприимчивой Екатерины, готовой устранить возникшие проблемы своего мужа. Она пишет, что он «решился поручить мне заботы о поправлении этих дел. Сначала я не хотела на это согласиться, предвидя и препятствия к поправлению такого безнадежного состояния, и ревность и зависть, которые я навлеку за то на себя. Но, наконец, я решилась согласиться, так как не могла долее уклониться, не огорчив Великого Князя» [2, с. 93-94].

Затем Великая княгиня вводит образы советников своего мужа, каждый из которых получает критическую оценку. Персонажами ее анекдота соответственно становятся Брокдорф, поверенный в делах Великого Князя Петра Федоровича, и Александр Шувалов, занимавший при Елизавете Петровне чин главы тайной канцелярии и гофмейстера двора Великого Князя. Оба они лишь усиливают беспомощность ее мужа, вынужденного через надсмотрщиков просить государыню о покрытии его долгов, переросших в государственную проблему: «В это время Великий Князь, видя страну свою отягощенную долгами и теснимую кредиторами, из которых некоторые уступили свои права королям датскому и прусскому, говорил графу Александру Шувалову, вновь назначенному к нам, чтобы Императрица заплатила за него долги» [2, с. 93]. Однако, выбирая между ними, автор

явно спешит передать свои симпатии русскому царедворцу: «Шувалов хотел отличиться при своем вступлении и выхлопотал 70 тыс. рублей, чтобы утишить самые настоятельные притязания. Он собрал справки о долгах Государя Наследника и узнал, что самым тяжелым бременем были его войска. Шувалов придумал и предложил именем Императрицы уволить всех этих людей бесполезных и убыточных, с тем, что вместо 200 человек Императрица будет содержать две тысячи русских войск в Голштинии, которыми великий князь будет распоряжаться по своей воле» [2, с. 93]. В противоположность ему цесаревна выводит негативный образ немца, думающего прежде всего о собственной выгоде. Брокдорф не только отклоняет дельное предложение русского советника, но и объявляет себя горячим защитником голштинцев в противостоянии с русскими: «Великий князь горячо схватился за такое предложение, но к несчастью рассказал Брокдорфу, а этот отклонил его от того под предлогом, что в Голштинии каждый русский ненавидим и что тамошние жители побьют их. Таким образом, не осуществилось предположение, которое бы могло иметь великие, полезные и добрые последствия» [2, с. 93]. В то же время подобный исход лишь следствие, по мнению Екатерины, неумелой политики правящей особы.

Поэтому самый негативный образ в её анекдоте – это образ действующей императрицы, так же, как и Петр Федорович, не умеющей разбираться в людях и, более того, поощряющей зло (Брокдорфа) и осуждающей добро (Екатерину): «В разгар моей ссоры с Великим Князем ее убедили объявить, что я, без его ведома, сделала что могла для изгнания от него его верного служителя Брокдорфа, но что она вместо того назначила ему семь тысяч жалованья, предложив Великому Князю пользоваться советами этого почтенного человека» [2, с. 97].

С целью обоснованной критики Елизаветы Петровны Великая княгиня сосредоточивается на последовательном изложении предпринимаемых ею мер разного характера.

1. Екатерина демонстрирует умение вести диалог с Европой и свою деловую хватку: «Прежде всего я велела мне подать финансовый и долговой списки и нашла, что ежегодный расход превышал доход на 27 тыс. талеров. Я увидела миллионы долгов и 180 тыс. талеров дохода. Раздумывая о средствах против такого превышения, потому что Великий Князь не хотел и слышать о сокращении войск, я приказала заключить договор с венским двором (Здесь и далее выделено мною – Т.А.), по которому ему давалось 100 тыс. талеров в год, и эти деньги, будучи хорошо распределены, восстановили бы все и уплатили бы все долги» [2, с. 94].

2. Как тонкий психолог, она имитирует душевную открытость, которая выдает ее дипломатические способности: «Я крепко стояла за истину, не теряла присутствия духа и, для блага дела Великого Князя, примирилась с самым смертельным врагом своим – канцлером Бестужевым» [2, с. 95].

3. Более того, Великая княгиня указывает на свои знания юридического характера, которые сочетаются у нее с четкими и решительными действиями человека, уверенного в своей правоте: «Тогда я письменно изложила о всех противоречиях действий Брокдорфа, о его поступках за и против Шуваловых, и его обвинениях, и передала эту бумагу Великому Князю» [2, с. 96].

Все это дополняет просветительский образ автора, обратившегося к жанру анекдота с целью выделения таких граней своей личности, как воспитание, образование, ум, дипломатичность, психологическая чуткость. Не случайно противостояния «Великая княгиня – Брокдорф», «Великая княгиня – Петр Федорович», «Великая княгиня – Елизавета Петровна» в рассказе лишь о маленьком эпизоде из жизни Екатерины логически подводят не к открытому нравоучению, но, наоборот, оборачиваются в кульминации всей истории парадоксальным высказыванием героини относительно советников монарха: «Чтобы окончить изображение сердца Брокдорфа прибавлю, что я слышала его утверждавшим

при всех за столом, что для сделания армии: более деятельною, необходимо убивать всех раненых. И когда Великий Князь возражал против жестокости, то Брокдорф приводил в подтверждение, что шведы всегда так поступали. Граф А. Шувалов сидел тогда около меня, и я, толкнув его локтем, сказала при том: я бы начала с того, что пустила бы пулю в мозг такого советника!» [2, с. 96-97]. С одной стороны, эта красноречивая фраза высвечивала такие личностные достоинства героини (помимо интеллектуального превосходства над своим окружением), как решительность, мужественность и отважность, а с другой – характеризовала авторский способ мышления, который через анекдотическое видение ситуации показывал как раз саму основу просветительского мировосприятия.

Эмоциональное высказывание героини выглядит тем более оправданно, что речь идет не только о проблеме личных долгов Великого князя, но о благосостоянии всего российского народа, в связи с чем анекдот из бытового рассказа превращается в характеристику правления Елизаветы Петровны, далекого от Просвещения, и заявку более достойной кандидатуры на российский трон.

Самопрезентация Екатерины предстает более внушительно через окружающий анекдот контекст афоризмов, помещённых в «Особой тетради». Этот контекст также многослоен и направлен к разным социальным ярусам. Здесь и размышления о народном благе, которое могут принести воспитание и образование: «Учреждение Сен-Сира. Средство подражать ему с пользою и удобством будет заключаться в вызове наставницы классов и получении прямо от французского двора устава и журналов этого заведения» [2, с. 82]. Затем поднимется проблема материального состояния российских подданных: «Я хочу, **чтобы страна и подданные были богаты** – вот начало, от которого я отправляюсь: чрез разумное сбережение они этого достигнут» [2, с. 83]. Венчает эти просветительские установки автора образ героини, открыто заявляющей: «Признаюсь, что хотя

я свободна от предрассудков и **ум у меня от природы философский**, однако чувствую великую склонность чтить древние роды» [2, с. 83], – тем самым примеривающий маску идеального правителя на себя.

Таким образом, анекдот о прохвосте, наживающемся за счёт русской казны благодаря своим вредительским советам наследнику русского престола превращается в рассказе Екатерины в презентацию ее личностных качеств, которые соотносятся с нормой поведения первого государственного лица и той программой, которую она афористично заявляет в «тетради». Анекдот в данном случае демонстрирует понимание будущей правительницей тесной связи монарха с двором и её решительное желание руководить своим окружением. Поэтому не случайно так много внимания уделяется образу царского советника, далекого от совершенства и напрашивающегося на просветительское воспитание.

Итак, анекдот, рассказанный Екатериной, достигал сразу трех целей: 1) передавал нездоровую атмосферу последних лет Елизаветинского правления, в которой процветали казнокрады при высокородных дураках; 2) предоставлял возможность Великой княгине нарисовать портрет своего мужа, не способного к делам государственного управления по тому, каких людей он брал себе в советчики; 3) являлся способом защиты цесаревны от наговоров нечистых на руку вельмож.

Однако Великая княгиня понимала, что «Особая тетрадь» не станет достоянием печати. И значит, обращаясь к жанру анекдота, она решала другую задачу, а именно: литературной самопроверки в духе салонов – только творческой самореализацией обосновывалась заявка Екатерины на курс просвещенного абсолютизма. Занимаясь сочинительством и подвергая критическому анализу свое окружение, будущая императрица, с одной стороны, обдумывала нормативную сторону образа монарха и образа его советника, а с другой – оттачивала смеховую палитру воспитательных приемов, необходимых и писателю, и правителю эпохи Просвещения.

Кроме того, ее интересовал образ хозяйки салона, как идеала личностной свободы и интеллектуального самовыражения, о чём и свидетельствуют высказывания героини анекдота о месте женщины в российском обществе: «Тогда не могли себе представить, чтобы последовательный образ действий был плодом женского ума; чтобы женщина имела уже в руках все большие и малые дела своего мужа; чтобы она не терпела казнокрадства, наущничеств, несправедливости и проч. – перспектива ужасная!» [2, с. 96]. Замышляя побег от этой ужасной перспективы, Екатерина переплавляла исторический материал в художественный продукт с учётом и идеологической (создание образа самой себя), и морализаторской сторон (высмеивание противников).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анекдот // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1962. – Т.1. – С. 233-234.
2. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве министерства иностранных дел. – Т. 1. – 1744-1764 гг. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1871. – 417 с.
3. Валишевский К. Роман императрицы: Исторические хроники. – М.: Эксмо, 2007. – 608 с.
4. Достопамятные сказания и деяния, изъясняющие свойство Фридриха II, короля Прусского, переведенные с немецкого подлинника, изданного в Берлине 1786 года. – Ч. 2. – 1787.– 127 с.
5. Иконников В.С. Время Екатерины Второй. Специальный курс, составленный по лекциям ординарного профессора университет Св. Владимира. – Вып. 1. – Киев, Литография Г. Розенталя, 1881. – 509 с.
6. Каррер д'Анкокс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
7. Курганов Е.Я. Анекдот как жанр. – СПб.: Академический проект, 1997. – 123 с.
8. Малэк Элиза. Жанр анекдота в русской литературной культуре XVIII – начала XIX в. // Малэк Элиза. Забытые и малоизученные произведения. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – С. 329-341.
9. Маслова Е. К истории анекдотической литературы XVIII в. // Сб. ст. в честь академика А.И. Соболевского. – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – С. 272-276.
10. Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. – М.: ОГИ, 2008. – 440 с.
11. Таллеман де Рео. Занимательные истории. – Л., 1974. – 316 с.